

НЕ ОСТАВИТЬ СЛЕДОВ —
ЗНАЧИТ, ПОБЕДИТЬ ДВАЖДЫ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ПОДЗЕМНЫЙ БОЙ

Спецназ КГБ

Александр Тамоников

Подземный бой

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Подземный бой / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2025 — (Спецназ КГБ)

ISBN 978-5-04-250416-7

Август 1976 года. В пограничной зоне безопасности между Южной и Северной Кореей происходит инцидент, в результате которого с южной стороны погибают два американских офицера. Анализируя происшествие, руководство КГБ приходит к выводу, что конфликт был провокацией, отвлекающим маневром. В это же время северяне перехватывают магнитофонные ленты с записями неизвестных радиосигналов. Специалисты делают вывод, что где-то поблизости действует секретный шпионский центр ЦРУ. Проверить эту версию поручено группе «Дон» полковника Вячеслава Богданова. Бойцы отправляются в труднодоступный район навстречу смертельной опасности... Роман о напряженной работе специалистов уникального подразделения КГБ. От мозгового штурма при подготовке секретной операции до реальной схватки с коварным противником в любой точке земного шара — путь, который по силам только мужественным и преданным своему делу профессионалам. «Романы А. Тамоникова — о настоящих мужчинах, для которых понятия доблести, чести и долга — не пустой звук». — В. Колычев. Общий тираж книг А. Тамоникова — более 10 миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250416-7

© Тамоников А. А., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Тамоников

Подземный бой

© Тамоников А.А., 2025

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

США. Вашингтон. 18 августа 1976 года

– Как, ты сказал, его зовут?

– Джо Байден.

Спрашивавший был крепким, бодрым мужчиной лет за пятьдесят. Все в его внешности выдавало политика: темно-синий строгий костюм, такого же цвета галстук в диагональную красную полоску, классическая прическа коротко стриженных светло-каштановых волос с первыми признаками седины. Иначе смотрелся этот мужчина на плакате, висевшем здесь же, на стене в штабе президентской кампании. С плаката смотрело то же лицо, изрезанное морщинами, которые усиливали эффект от широкой улыбки. Но человек на плакате носил фермерскую рубашу с закатанными рукавами, а полные губы, широкий подбородок и умение держаться приветливо создавали образ деревенского простака, выращивающего арахис.

Оба – и мужчина в костюме, и его двойник на предвыборной рекламе – сочетали в своей внешности зрелость, уверенность и доброжелательность – то, что любит американский избиратель. «Джимми Картер, лидер для перемен», – гласил плакат.

Отвечавший резко контрастировал с Картером. Широкое овальное лицо, длинный нос, черные волосы с обилием седых прядей. С виду типичный «законник», он при всем желании не сумел бы изобразить выходца из семьи фермеров. Болтавшийся на шее бейджик пояснял, что это Уолтер Мондейл, напарник Картера на выборах.

– Откуда мне известно это имя? – спросил Картер.

– Пресса изрядно шумела по его поводу четыре года назад, когда Байдена избрали сенатором от Делавэра. Самый молодой сенатор в истории США. Журналисты называли его «высочкой».

– Теперь припоминаю. Говоришь, он активно поддерживает мою избирательную кампанию?

– О да, он вообще прикладывает много усилий для привлечения избирателей на сторону нашей партии. Например, именно он возглавил наши майские мероприятия в Мэне, активно выступал там. Что бы ни говорили журналисты, народ любит Байдена, а главное – его любит молодежь. Во-первых, потому, что он и сам очень молод по меркам политики, сейчас ему тридцать четыре, как-никак. А во-вторых, он обладает ценнейшим талантом говорить то, что на текущий момент правильно, и не говорить лишнего.

– Всем бы нашим людям такой талант... И что, этот твой Байден ни разу не высказался по поводу Кореи?

– Нет. Естественно, он целиком и полностью разделяет позицию других демократов касательно сдерживания КНДР через укрепление американо-южнокорейского альянса, но при этом не отметился никакими личными заявлениями по поводу военного присутствия США на полуострове, тем более по поводу сегодняшнего инцидента.

– Последнее особенно важно! В сложившейся ситуации нам необходимо дистанцироваться от республиканцев.

– Насколько мне известно, Байден сейчас готовит речь для выступления в Конгрессе о проблемах жилищного строительства. Его оценка, как обычно, взвешенная, осторожная, но вместе с тем такая, которая умножила ряды сторонников нашей партии.

– Превосходно, Уолт! Именно такой человек понадобится мне в сенатской комиссии по иностранным делам, чтобы разгрести ту кашу, которую заварил «старина Джерри». Подумать

только, поставил Соединенные Штаты на грань новой войны, едва мы выбрались из Вьетнама. Вооруженный конфликт, тем более у южной границы Советского Союза, нам нужен меньше всего.

– Не думаю, Джимми, что президент преследовал цель развязать новую войну. Он прекрасно понимает, в каком трудном положении наша страна.

– О, я знаю. Ловкий мерзавец хотел создать проблемы мне одному. Мы ворвались в президентскую гонку, старина, в непростой момент. Что вообще там, у корейцев, произошло? Есть новости от вашего человека из Лэнгли?

– Он подтвердил, что провокация являлась частью операции ЦРУ. Подробности не сообщил, разумеется, но сказал, что план одобрен лично президентом.

– Несомненно, одобрен! – фыркнул Картер. – Форд поставил Джорджа Буша директором ЦРУ в этом январе, и Буш не станет откалывать трюков за спиной своего патрона.

Хитрость действующего президента Джеральда Форда была очевидна. Желая пройти на второй срок, он воспользовался возможностью навредить сопернику. На текущий момент ключевое отличие демократов от республиканцев заключалось в том, что первые стояли на недопустимости войны с Северной Кореей. Купить мирными лозунгами симпатии уставшего от вьетнамского кошмара общества оказалось задачей нехитрой. Республиканцы в этом отношении проигрывали. Однако цэрэушникам зачем-то понадобилось организовать небольшую стычку на границе Северной и Южной Кореи, нечто вроде отвлекающего маневра. По согласованию с президентом столкновение проведено максимально шумно и, увы, с человеческими жертвами, хотя Форд мог бы настоять на том, чтобы Управление минимизировало риски. Итог – на тридцать восьмой параллели северокаорейцами убиты два американских офицера, жертв среди коммунистов нет, и Ким Ир Сен посмеялся над беспомощностью своих противников.

Теперь от Джимми Картера как участника президентской гонки ждут громкого заявления с требованием возмездия. Если он потребует войны, то потеряет голоса. Если проявит слабость и не потребует отмщения, то потеряет не только голоса, но и уважение.

Мондейл, казалось, предлагал единственно правильный выход: возложить вину за гибель тех офицеров непосредственно на Джеральда Форда.

– Мы заявим, что глубоко возмущены варварским убийством американских офицеров, совершенным в демилитаризованной зоне северокаорейцами. Это была бесчеловечная провокация со стороны коммунистического режима. Павшие патриоты были бы сегодня со своими семьями, если бы Форд не держал наши войска на полуострове без какой-либо убедительной необходимости. Ничто не оправдывает содержание 42 тысяч военнослужащих в Корее. Мы заявим далее, что наша цель – вернуть с честью исполнивших долг американских солдат и офицеров домой.

– Прекрасно, прекрасно! – восхитился Картер. – Это выступление похоронит Форда, ему ничего не светит, если связать с ним смерти двух офицеров. Не забудь сказать, что у нации сегодня есть возможность выбора: дальше стоять на грани войны в Корее или пересмотреть нашу политику в интересах будущего.

– «Возможность выбора»... – пробубнил под нос Мондейл, делая пометку в блокноте, и прокомментировал: – Логично в дни президентских выборов говорить о судьбоносном выборе нации. Я передам Збигу, пусть учтет при подготовке текстов.

Збигнев Бжезинский, которого друзья из-за труднопроизносимого имени звали просто Збигом, исполнял в штабе Картера обязанности ведущего советника по внешней политике и по этой причине руководил спичрайтингом кампании, то есть написанием речей по вопросам международной обстановки. Речи по внутренним вопросам Джимми Картер как уроженец мелкого провинциального городишки, стопроцентный выходец из низов обычно готовил самостоятельно.

– Прекрасно! – без устали повторял Картер. – Подготовленные Збигом тексты передай Байдену и объясни, что пришло время говорить о Корее. Говорить громко, открыто, на каждом публичном выступлении. Пусть изучит тезисы и в своих речах критикует Форда за гибель американских офицеров.

– Предлагаю сказать также, что война во Вьетнаме научила миллионы американцев подвергать сомнению внешнеполитические авантюры, не имеющие очевидного отношения к нашим собственным жизненно важным интересам. В условиях подлинной демократии внешняя политика требует общественного понимания и поддержки.

– Согласен. Напомнить людям про Вьетнам крайне необходимо, поскольку республиканцы будут, как обычно, вести агрессивную, провоенную риторику. Тем самым Форд окажется в положении политика, готового принести новые жертвы, чтобы отомстить за прежние, по его же вине появившиеся.

В итоге оба собеседника сошлись на том, что нации необходимо взглянуть на внешнюю политику в правильной перспективе. Слишком часто, кажется, внешняя политика США существует для того, чтобы несколько ведущих лидеров могли совершать грандиозные подвиги на мировой арене. Мондейл посоветовал подчеркнуть, что цель внешней и военной политики, напротив, состоит в служении собственному обществу и его защите. И если политические лидеры разрушают собственную экономику и пренебрегают внутренними потребностями ради чрезмерно амбициозной роли в мире, то внешняя политика достигает противоположного своей цели результата. В этом месте Мондейл посчитал возможным напомнить избирателям горячую просьбу Форда о выделении дополнительного миллиарда на поддержку Сайгона в то самое время, когда «старина Джерри» сопротивлялся федеральной гарантии выпуска облигаций на нужды Нью-Йорка.

– Это хорошо, что ты вовремя вспомнил про тот миллиард, – одобрил Картер. – Любое упоминание имени Форда в связке с Вьетнамом нам на пользу, а такой факт звучит просто убийственно.

– А теперь от общих слов переходим к конкретным цифрам, – продолжил Мондейл, сверяясь с заметками, – причем берем данные только по Южной Корее. Форд много на нее потратил.

Всего-то год назад, в августе 1975-го, тогдашний министр обороны Джеймс Шлезингер прилетал в Сеул, где, общаясь с корейским военным ведомством, обязался поддержать – посредством кредитов и прямых поставок оружия – новую программу модернизации местных вооруженных сил совокупной стоимостью три миллиарда долларов. И это при том, что в 1971 году Штаты уже выделяли полтора миллиарда на другую программу военной модернизации.

– Считаешь, в выступлениях нам стоит держаться только финансовой тематики, Уолт? – поинтересовался Картер.

– Как посмотреть, Джимми. Зависит от аудитории. Поскольку Байдену предстоит много общаться с молодежью, нам следует проработать тему угрозы ядерной войны. Студенты и активисты это любят, для них такие разговоры волнительны. Дадим молодежи повод возненавидеть Форда.

Картер ухмыльнулся. Сказанное Мондейлом не являлось преувеличением, в своей политике Форд действительно зашел слишком далеко и похоронил достижения американской дипломатии за последние два десятилетия. Когда в 1954 году администрация Эйзенхауэра представила Конгрессу Договор о взаимной безопасности между США и Республикой Корея, предполагалось, что в случае нападения каждая из сторон «примет меры по противодействию общей опасности, в соответствии со своими конституционными процедурами», следовательно, Америка в случае нападения Южной Кореи на Северную не станет вмешиваться.

Но действия нынешнего президента уничтожили эти гарантии. В обход закона он разместил американские войска к северу от Сеула – в демилитаризованной зоне между Севером и Югом или вблизи нее, что обуславливало автоматическое участие в любом новом корейском конфликте. В регионе находились 1700 тактических ядерных боеголовок, многие из которых были сосредоточены в Южной Корее.

– Шлезингер заявил, что мы вполне можем использовать их в случае начала боевых действий, – продолжил Мондейл. – И администрация Форда не только не опровергла такое заявление, но даже намекнула, что готова рискнуть ядерной войной ради южан. Не далее как 20 мая 1975 года президент Форд заявил газете «Нью-Йорк Дейли Ньюз»: «У нас есть договор с Южной Кореей. Полагаю, важно, чтобы мы дали им, а также другим, понять, что, по крайней мере, моя администрация намерена выполнить свои обязательства». Получается, независимо от того, как начнется очередное столкновение противоборствующих сторон на полуострове, Штаты будут в него втянуты вплоть до применения ядерного оружия.

– Студенты наверняка будут расспрашивать о нарушении прав человека в Южной Корее, – размышлял вслух Картер, – но не уверен, что нам стоит развивать эту щекотливую тему.

Президент Пак Чон Хи фактически являлся диктатором. Под давлением президента Кеннеди, угрожавшего отказать в помощи южнокорейцам, Пак согласился принять конституцию. Номинальная корейская демократия со скрипом просуществовала до 1972 года, после чего Пак объявил в стране военное положение и единолично отменил иллюзию объявленных гражданских свобод. Администрация Форда отнеслась к происходящему в Корее одобрительно, создав Америке образ державы, которая поддерживает тоталитарные режимы.

По сути дела, в глазах Запада Пак Чон Хи давно уже ничем не отличался от Ким Ир Сена: оба изображались мировой печатью диктаторами, с той разницей, что в биографии коммунистического лидера имелаась борьба с японскими оккупантами, тогда как Пак не мог похвастать чем-либо подобным и потому не пользовался симпатиями прогрессивной общественности. В ноябре 1974 года Форд лично встречался с Паком в Сеуле, демонстративно избегая контактов с диссидентскими группами либеральных политиков и интеллигенции, на которых Штаты первоначально рассчитывали как на опору в сдерживании коммунизма в Дальневосточном регионе.

– Надо выждать время и посмотреть, чем завершится инцидент, – убежденно сказал Мондейл. – Вдруг Америке придется-таки начать боевые действия на стороне южнокорейцев? Как мы будем выглядеть в этом случае?

– Неприглядно, – подтвердил Картер. – Ты прав, нам придется помолчать. Лучше подумать над тем, как сделать так, чтобы в ходе дебатов нас не упрекнули в симпатиях к Северной Корее. Что предлагаешь?

– Скажем, что некоторые коммунистические общества представляют для свободного мира угрозу большую, чем другие. При этом некоторые из наших так называемых союзников по свободному миру представляют большую опасность для мира и наших ценностей, чем некоторые страны, слабо связанные с Москвой или Пекином.

– Обтекаемо.

– Сойдет для парней из Конгресса.

– Черт возьми, Уолт, хотелось бы узнать, чего ради ЦРУ устроило корейскую заварушку сегодня утром...

– Узнаешь, Джимми. Непременно узнаешь, когда окажешься в Овальном кабинете.

КНДР. Пхачжу. 18 августа 1976 года

– Прошу проходить и садиться, товарищ Пак Чхун-сок.

Подполковник Чан Чонхва вежливо и уважительно поприветствовал вошедшего лейтенанта, ловко взявшего под козырек и вытянувшегося по стойке смирно. Пак Чхун-сок в нерешительности сделал несколько неуклюжих шагов в направлении стула. Старший лейтенант опасался, что за утреннее происшествие отправится под трибунал. Причин волноваться вроде не было, он и его люди вели себя достойно, однако армия – не клуб хороших манер. Пограничного конфликта следовало избегать любой ценой, а старший лейтенант Пак вынужденно принял участие в позорной потасовке, завершившейся весьма печально.

– Как ваше самочувствие, товарищ Пак? – допытывался подполковник, чем еще больше насторожил лейтенанта, несмотря на искренность в голосе.

Самим собой старлей был крайне недоволен, отчего полагал, что и другие смотрят на него осуждающе. Меж тем Чан продолжал задавать свои подозрительные вопросы:

– Как вижу, вас побили?

Ну, точно! Сейчас Паку устроят хороший разнос. Еще, чего доброго, обвинят в том, что это он, Пак Чхун-сок, развязал ту драку. Старлей оттер взопревший лоб и невнятно пробубнил в ответ, что серьезных травм не получил, только синяки и ссадины.

– Хорошо, хорошо! С нашей стороны пострадавших было мало, это радует. Товарищ Ким Чен Ир смеялся, когда ему сообщили об этом происшествии.

У Пака отлегло от сердца. Ну, значит, он не опростоволосился, раз сын великого вождя Ким Ир Сена отреагировал на происшествие весельем.

– А что сказал товарищ Ким Чен Ир? – не удержавшись, спросил он.

– Он сказал так: «Должно с вниманием следить за любыми возможными маневрами противника, но незачем всегда занимать оборонительную позицию». Он доволен, что вы поставили «хангук-сарам» на место.

Под «хангук-сарам» подполковник подразумевал южнокорейцев; их самоназвание означало «люди трех царств», поскольку на южных землях полуострова в незапамятные времена находились три государства.

Слегка накренившись вперед, он с лукавой улыбкой доверительно сообщил:

– В то время, когда товарищу Киму сообщили о случившемся, у него было запланировано прослушивание записей новых песен в исполнении Ансамбля песни и танца Корейской народной армии. Чиновники не хотели нести записи, решили, что сейчас это неуместно, однако товарищ Ким ответил, что не бросит работать по намеченному плану из страха перед неприятностями. Великий человек!

Старший лейтенант полностью согласился. Приватный характер разговора успокаивал и настраивал на ответную откровенность.

– Итак, товарищ Пак, припомните хорошенько утренние события и расскажите обо всем, чему были свидетелем.

Напрягать память не приходилось, свежие события охотно проплывали перед глазами. Старший лейтенант службы безопасности Пак Чхун-сок заступил на дежурство утром, в 8:00. На протяжении двух с половиной часов на границе все было сравнительно тихо, хотя в американском лагере Китти-Хок отмечалась какая-то возня.

...Строго говоря, настоящей сухопутной границы с юга у Корейской Народно-Демократической Республики не было. Была безлюдная демилитаризованная зона, образующая сплошной фронт протяженностью чуть более 240 километров – вдоль 38-й параллели. На месте бывшей деревеньки Пханмунджом, через которую пролегла граница между Кореями, по соглашению правительств образована Объединенная зона безопасности (ОЗБ) в виде круга с радиусом 400 метров. Здесь происходило общение Севера с Югом: дипломатические встречи, обмен пленными, визиты корреспондентов, мирные делегации и далее, далее, далее. Службы безопасности обеих сторон несли караул для обеспечения порядка. Фактически деревни не было,

но название Пханмунджом за этой площадкой сохранилось. Политики образно называют этот пятачок земли «Деревней Мира».

Зона, достигающая в ширину четырех километров, по большей части пустынна и отлично просматривается в обе стороны. Здесь почти нет растительности, если не считать кучек низкорослых кустов да одиночно растущего тополя высотой примерно двенадцать метров. Сиротливое дерево единственное уцелело на земле, дважды выжженной огнем войны: сначала японцами, затем южнокорейцами. Древесную крону южане и их американские боссы с некоторых пор сочли чересчур густой, «ухудшающей тактическую осведомленность». Вроде бы она загромождала линию обзора между контрольно-пропускным пунктом № 3 и наблюдательным пунктом № 5, где находился мост Панмун.

Переброшенный через пограничный ров Панмун драматически прозван южанами «Мостом Невозврата», поскольку те, кто двигался по нему на Север, якобы никогда не возвращались обратно, исчезая в «коммунистической преисподней». Хотя сеульские репортеры регулярно снимают, как именно через Панмун на юг возвращаются лазутчики и американские солдаты, задержанные северокорейскими пограничниками. Например, на Рождество 1968 года по этому мосту вернулся к своим задержанный экипаж американского разведывательного корабля «Пуэбло».

Естественно, американо-южнокорейские военачальники спать не могли, терзаемые ужасом, какие злодеяния вытворяют северокорейцы, укрываясь за вредным деревом. Быть может, проклятые коммунисты сколотили бронированный кулак, способный стереть с лица земли всю Южную Корею или пробить планету насквозь и выйти в другом полушарии, обрушившись на оплот демократии? Дерево посреди пустыря может скрывать за собой сонмища танков и артиллерийских орудий. По крайней мере, в этот бред истово верили люди по южную сторону границы.

Отчего бы соседям не договориться о том, чтобы спилить злосчастное дерево? Нет, тогда не возникло бы поводов для претензий и условий для разжигания конфликта на пустом месте. А повод для агрессии должен иметься всегда – это фундамент политики! В итоге тополь пощадил, чтобы при случае можно было без пощады убивать тысячи человек.

Из года в год дерево регулярно обрезалось рабочими группами Командования ООН для восстановления «четкого поля зрения». Процедура осуществлялась в строжайшем соответствии с протоколами о перемирии 1953 года, разрешающими доступ ООН в зону безопасности. (Примечательно, что упомянутое соглашение о перемирии подписывалось в Пханмунджоме, отчего он и был избран в качестве ОЗБ.)

Сколько садовников нужно для обрезки одного дерева? Контингент ООН включал 13 южнокорейских рабочих, непосредственно занимавшихся обрезкой, 11 охранников (из них пять американских и шесть сотрудников Республики Корея), а также взвод южнокорейских пограничников в составе 64 человек, обеспечивавших дополнительную охрану.

Северокорейцы относились к подобным «садово-парковым работам» с нескрываемой враждебностью. Разумеется, не потому, что усматривали в них повод для противника зайти в зону безопасности, а потому, что обрезка тополиных ветвей демаскировала «секретные операции» КНДР в приграничной полосе, по версии Запада.

...Ближе к половине одиннадцатого Пак Чхун-соку донесли о возросшей активности южан. Примерно в 10:45 наблюдатели зафиксировали группу из 14 бойцов, несанкционированно пробравшихся в Объединенную зону безопасности с топорами в руках. Никакой обрезки сегодня не планировалось, иначе командование оповестило бы гарнизон. Вдобавок среди пришельцев не видно никого из южнокорейских садовников, обычно занимающихся этой работой, только десять американских и четверо южнокорейских военных. Пак заподозрил неладное и в сопровождении трех других сотрудников отправился навстречу незванным гостям, преградив им путь. Некто в капитанской форме объяснил, что дерево мешает силам ООН нести карауль-

ную службу. Пак возразил, что в одностороннем порядке, без соглашения обеих сторон проводить обрезку или рубку дерева нельзя.

Американские солдаты на время растерялись. Но ненадолго. Пак заметил, что почти у каждого из них что-то было в руках: у кого-то топоры, у других топорича. Топоричами не рубят, значит, ребята готовились дать отпор, используя деревяшки в качестве дубинок.

И верно. Внезапно мужчина в форме американской военной полиции выхватил топориче у своего коллеги и метнул его в товарищ Пак. Деревяшка попала в рядового Ёнду, разбив ему лицо в кровь. Следом полетел еще один топор. Подлецы рассчитывали на то, что противник испугается численного перевеса, кроме того, не рискнет предпринять каких-либо действий в отсутствие прямого указания командования.

Не вышло. Пак перехватил летящий в его сторону топор, Гёнтэк подобрал с земли окровавленное топориче, а Чхангён положился на собственные кулаки. Внезапным и решительным натиском удалось обезоружить нескольких, в том числе два американских офицера получили серьезные ранения и не смогли подняться. Пак не рискнул вдаваться в подробности, чтобы подполковник не сменил благосклонность на недовольство. Правда заключалась в том, что старлей вступил в драку, намеренно атаковав капитана первым, причем постарался нанести ему серию сокрушительных, жестоких ударов.

Такова логика рукопашной схватки: пока главный на ногах, солдаты дерутся с максимальной отдачей. Потеря командира привела противника в замешательство. Оставшись без капитана, американцы разом поубавили спеси. Чувствовалось, что им захотелось поскорее поднять с земли офицера и пуститься наутек.

Раненый Ёнду смог быстро оправиться и присоединился к потасовке. Он с Чхангёном тоже забрали по топору у поверженных противников. Завязалась жестокая схватка, в которой четверым удавалось одерживать верх над четырнадцатью. Точнее, над двенадцатью, поскольку благодаря Гёнтэку вслед за капитаном на землю вскоре рухнул второй офицер в форме лейтенанта. Сержант Гёнтэк настроился на ту же волну, что и Пак, отчего поспешил устранить наиболее важную фигуру – второй номер после поверженного капитана. После этого американцы стали драться вдвойне неумело.

– Тогда я еще не знал, что Ёнду серьезно ранен, – пояснил Пак. – Он получил сотрясение, но это проявилось значительно позже. В бою же он держался храбро, несмотря на кровопотерю.

А вот тут память Пака начала подводить по-настоящему. Нет, он более ничего не скрывал, но в пылу боя нереально запомнить, как и кого разишь топором, как блокируешь встречные удары. Помнил лишь трусливую злобу в чужих глазах. Помнил брызги крови. Временами до ушей доносился жуткий хруст, от которого по коже пробегали мурашки. Сильнее всего запомнился собственный страх, обжигающий и липкий, который на удивление быстро прошел. В голове сделалось пусто-пусто, никакого испуга или других эмоций. Тело действовало автоматически, подчиняясь безошибочным рефлексам, вбитым в него упорными тренировками.

Удар, блок, отход, бросок вбок, обманка, еще удар!..

Скажи товарищ подполковник, что Пак Чхун-сок дрался полчаса, и старший лейтенант безоговорочно поверил бы – настолько долгой, трудной и изнурительной показалась та заруба. Как показали товарищи по другую сторону границы, бой длился всего-то четыре минуты. В лагере Китти-Хок взвыла сирена, и на помощь американцам, не мешкая, заспешила группа из тридцати солдат – заранее подготовленное подкрепление. Опасаясь стычки с десятикратно превосходящим отрядом, Пак и его люди сумели отбиться и пустились бежать на северо-корейскую территорию по «Мосту Невозврата». Им навстречу выдвинулась на грузовике группа из тридцати сотрудников службы безопасности. Нарушать границу и вступать в бой с равным по числу противником американцы не решились, поэтому прекратили преследование.

– Те американские офицеры... Они серьезно пострадали? – настороженно спросил Пак Чхун-сок.

Его тревожило, что жертвы среди контингента ООН приведут к накалу напряженности и, быть может, к санкциям против КНДР или даже к чему-то более страшному.

– Их госпитализировали, – ушел от прямого ответа подполковник.

На самом деле от службы разведки Чан Чонхва знал, что от полученных ранений скончались оба офицера – командир роты Объединенных сил безопасности Контингента ООН капитан Артур Бонифас и командир взвода первый лейтенант Марк Барретт. При этом Бонифас умер на месте, а Барретт – в вертолете по дороге в лазарет. Еще восемь человек (четверо американцев и четыре южнокорейца) получили травмы разной степени тяжести – от переломов до рваных ран.

Уклончивость начальства не ускользнула от внимания Пака. К нему пришло осознание того, что подполковник, а возможно, и все высшее командование Народной Республики встревожено поступком (или проступком?), совершенным службой безопасности. Но наверху не могли признаться в своих тревогах, не могли никому показать свои опасения. Отсюда чрезмерная вежливость подполковника, который отказался просто поворчать, не говоря уж о нагоне, напротив, поделился историей о том, как смеялся Ким Чен Ир. Несложно догадаться, что и смех Ким Чен Ира скрывал колоссальное внутреннее напряжение, которое испытывал сын вождя. Руководство страны и Вооруженных Сил не смело объявить выговор Паку и его людям, иначе военные, что называется, «потеряли бы лицо». Нет, все делали вид, что случившееся – правильно.

Чан Чонхва поднялся со стула и величаво произнес:

– Товарищ старший лейтенант, от лица командования Корейской народной армии объявляю вам благодарность за пресечение дерзкой попытки американского вторжения в зону безопасности!

Москва. 18 августа 1976 года

Бывает такое, отпуск заканчивается, а ты понимаешь, что так и не сходил с мужиками на рыбалку. Между тем, по глубокому убеждению капитана Николая Дорохина, служить в спецназе КГБ и не рыбачить – вещь противоестественная и предположительно в обозримом будущем подлежащая запрету по уставу. Конечно, недурно бы собраться всем отрядом, но по разным причинам не получилось. Как выразился по этому поводу командир группы «Дон» – полковник Вячеслав Богданов, «есть желание, но нет возможностей». Вот почему на этот четверг из отряда договорились съездить за город, на Клязьму, только трое: сам Николай Дорохин, Александр Дубко и Алексей Лепилин. Поскольку выезжали поутру, в четвертом часу, как и полагается настоящим рыбакам, приготовления начались уже накануне, в среду, отчего трое столпились в гараже Дорохина, придиричиво перебирая снасти и отпуская критические замечания.

– Ладно женщины! Их дело рыбу жарить, а не ловить. Но как взрослый мужик может не знать, что такое мормышка? – не унимался Лепилин, шумевший пуще остальных, отчего в свое время и заработал прозвище «Леха-балагур». – Обычную блесну мормышкой называть стали. Как такое возможно?

– Давно ли ты заядлым рыболовом стал? – подтрунивал Дубко. – Помнится, от меня впервые слово «дурилка» услышал. И зевником пользоваться не умеешь до сих пор.

Леха-балагур – ноль внимания, знай себе соловьем заливался:

– В детстве я с пацанами вот в точности с такой же самой мормышкой на линия ходил. – И он показал заветную «дурилку», как прозвали в народе мормышку за то, что ею рыбу дурят. Прозвучало с гордостью, словно ходил Леха не на линия, а на медведя.

– А ты, Саня, смотрю, в снастях неслабо разбираешься, но вроде против рыбалки? – недоумевал Дорохин, обращаясь к Дубко.

– Я не против рыбалки, только есть в ужении нечто неприятное. Бредешком надо, бредешком. Наловил, сготовил ухи, отдохнул на природе. А удочкой стой часами, вытягивай по одной мелочь всякую, да еще рыбе пасть рвать крючком приходится. Фу, живодерство!

Лепилин тотчас возжелал поспорить, и друзья принялись переливать из пустого в порожнее, потому как переубедить рыбака нереально. Обретенные на рыбалке навыки цепляются надолго, если не сказать навечно. Отбить их в состоянии, наверное, только амнезия, хотя и в этом полной уверенности нет.

– Здорово всем! – В дверях гаража появился Юрий Казанец.

В группе «Дон» он давно, без малого лет восемь, но последние два года сослуживцы время от времени с шутилой торжественностью звали его «новым человеком», поскольку в 1974-м парнишка окончил Краснознаменный институт КГБ.

– Никак передумал, Юрка? Что, получится с нами за шукой махнуть? – спросил Дорохин.

– Новость у меня для вас! – сверкая глазами, произнес Казанец и с важностью добавил: – Фантастическая!

Мог бы вечером обзвонить друзей, мог бы в другой день заехать или после отпуска встретиться, но нет, Казанцу захотелось непременно сейчас, едва услышал, поделиться «фантастической новостью». И вот, преодолев полгорода, он добрался до дорохинского гаража, зная, что застанет приятелей здесь. Ежеминутно перебивая собственный рассказ восторженными возгласами вроде «Великое достижение, неслыханный триумф науки!», младший лейтенант поведал о том, что сегодня, в 9 часов 36 минут по московскому времени, автоматическая станция «Луна-24» совершила мягкую посадку на поверхность естественного спутника нашей планеты в районе Моря Кризисов. Станция находилась в полете четыре дня, начиная с 14 августа. Большую часть времени заняла коррекция орбиты. Сама посадка, проходившая в режиме управляемого спуска, длилась всего-то шесть минут. Со слов Казанца, станции предстояло в течение ближайших суток выполнить внушительный объем работ: провести бурение лунного грунта, взять пробы и не далее как завтра вернуться с образцами на Землю.

Не в первый раз автоматы брали пробы на Луне, но всякий раз с поверхностного слоя. Сегодня же произойдет нечто особенное. «Луна-24» достанет образец из недр, с глубины двух метров, чтобы затем доставить двухметровую колонку керна целой и невредимой в земные лаборатории. А ведь прав Казанец, задача фантастическая!

Парни отреагировали по-разному. Дубко слушал с серьезным, задумчивым видом, зачем-то не переставая крутить в руках жестянку с грузилами. Лепилин краем рта добродушно посмеивался, но сдерживался от насмешливых комментариев, хоть явно подмывало сострить. Дорохин улыбался одними глазами, в душе радуясь тому ребячьему восторгу, который охватил Юрку Казанца.

– Путешествия в другие миры превращаются в обычную работу, – завершил свой рассказ Казанец с таким довольным лицом, будто лично участвовал в космической миссии. – Прилетел, забрал грунт, вернулся. Здорово же!

– Молодчина Бармин, отца не опозорил, – не выходя из задумчивости, проронил Дубко, как оказалось, внимательно слушавший товарища. Почувствовав на себе удивленные взгляды, он перестал копаться в банке, поднял глаза и пояснил: – Игорь Бармин – конструктор станций «Луна». Его отец – Герой Советского Союза, в войну летчиком служил.

– Ну, что ж, раз такие дела, с нетерпением будем ждать «Луну-25»! – провозгласил Дорохин под одобрительные реплики друзей.

С некоторым удивлением он заметил, что полет межпланетной станции, и впрямь являвшийся ошеломительным достижением технического гения, не оставил равнодушным лишь впечатлительного Юрку, в котором неожиданно-негаданно проснулся мальчишка, грезящий космическими далями. На прочих, включая самого Дорохина, присутствие бурового робота на далеком небесном объекте не произвело столь сильного впечатления. После полета Германа

Титова, «космонавта номер два», путешествия в иные миры внезапно утратили в глазах многих ореол романтики, превратившись в подобие заурядных авиарейсов Горький – Саратов. Хотя, строго говоря, прямые рейсы из Горького в Саратов тоже, вообще-то, немаленькое достижение, о котором лет сорок назад никто и помыслить не мог. Вот перекрой сейчас авиасообщение, чтобы слетать в другой город нельзя было или можно, но только с пересадкой в Москве, – посмотрим тогда!

Отчего же люди так быстро привыкают к хорошему, начинают воспринимать успехи и достижения, давшиеся тяжелым трудом, как должное, как само собой разумеющееся? Если подумать, очень нехорошая черта человеческой натуры. Отсюда произрастает неумение ценить важные вещи и дорожить ими.

«Но я-то когда успел таким стать?» – изумлялся своему прохладному отношению капитан. Он радовался, но радовался за полного восторгов Юрку, хотя должен был, по идее, радоваться за страну, за народ, за советскую науку...

Ход мыслей Дорохина прервался появлением следующего гостя. Похоже, на завтрашнюю рыбалку предстояло отправиться почти в полном составе.

– Вот вы где, – сказал вошедший к ним Богданов.

– Товарищ полковник, и ты с нами? – обрадовался Дорохин.

– Не совсем. Мужики, поступили экстренные новости. Мне только что передали.

Лицо серьезное, в глазах никакой радости не читалось, однако ребята, полные положительных эмоций, не сразу уловили настроение командира.

– Ты про Луну? – выпалил Казанец, довольный шансом сообщить, что первым оповестил ребят о грандиозном событии.

– Да-да, ты про Луну и Советскую страну? Или ты про Солнце и пузатого японца? – Лепилин, долго сдерживавшийся из уважения к Казанцу, дождался, наконец, возможности вернуть хоть какую-то прибаутку.

– Представьте себе, про Солнце и японца, – невесело отшутился Богданов и, держа перед глазами исписанный карандашом листок, прочитал: – «Как сообщает Центральное телеграфное агентство Кореи, сегодня утром, 18 августа, в зоне совместной охраны в Паньмыньчжоне произошло столкновение, в результате чего имеются убитые и раненые. Столкновение было спровоцировано американо-южнокорейской стороной. Пхеньян опубликовал в печати решительное осуждение организованного американо-южнокорейской стороной провокационного инцидента, который назван преднамеренным и заранее спланированным преступным актом, имеющим целью еще более обострить напряженность в этом районе»...

Название Пханмунджома, по закрепившейся в русском языке традиции, ошибочно читалось на китайский манер: «Паньмыньчжон».

– Да как же так-то?! – не дослушав до конца, стал возмущаться Лепилин.

– «Известно, что размещенные в Южной Корее американские войска приведены в состояние боевой готовности, – невозмутимо продолжал зачитывать текст Богданов. – В том числе с военной базы Кадэка на Окинаве и из Соединенных Штатов в Южную Корею перебрасываются эскадрильи истребителей F-4, боевых бомбардировщиков F-111 и стратегических бомбардировщиков B-52. К границе КНДР перебрасываются более 1800 морских пехотинцев с Окинавы. В состояние боевой готовности приведена и южнокорейская армия, о чем сообщается в заявлении от сеульского информагентства "Хабтон"».

– Да ведь еще вчера... ну, вы же помните, еще вчера... – пуше прежнего разошелся Лепилин, которому никак не удавалось унять.

Собравшиеся в гараже прекрасно помнили, что вчера, 17 августа, большая группа социалистических и развивающихся стран выступила в ООН с предложением о включении в повестку дня предстоящей XXXI сессии Генассамблеи пункта «Об устранении угрозы войны, сохранении и упрочении мира в Корее и ускорении самостоятельного мирного объединения

Кореи». Объяснительная записка, адресованная генеральному секретарю ООН Вальдхайму, указывала, что на юге полуострова продолжается наращивание численности вооруженных сил, увеличиваются объемы поставок оружия массового уничтожения, включая ядерное. К записке прилагался проект резолюции, в котором содержались требования безотлагательного прекращения всех актов агрессии против КНДР и немедленного вывода из Южной Кореи новых видов военного снаряжения и вооружений. Под резолюцией подписались представители шести стран: СССР, Болгарии, Польши, Алжира, Ирака и Лаоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.